

УДК 343.1

С.В. Юношев, В.В. Убасев*

О ВОЗМОЖНЫХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье рассматривается вопрос возможности злоупотребления со стороны сотрудников органов предварительного расследования при производстве следственных действий. Приводится определение злоупотребления процессуальными полномочиями, и подтверждается применимость данного понятия к действиям, совершаемым сотрудниками органов предварительного расследования. Рассматриваются отдельные виды злоупотреблений при производстве таких следственных действий, как допрос, предъявление для опознания, обыск и выемка. Предлагаются пути решения проблемы наличия в правоприменительной практике фактов злоупотребления полномочиями со стороны сотрудников органов предварительного расследования, главным образом за счет внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, а также закрепления новых процессуальных гарантий для защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В частности, авторы предлагают введение в УПК РФ правила об обязательной видеосъемке при проведении отдельных следственных действий, а также сокращении возможностей принятия следователем/дознавателем решений о производстве следственных действий, руководствуясь исключительно собственным усмотрением.

Ключевые слова: следственные действия, допрос, предъявление для опознания, обыск, выемка, защита прав участников процесса, злоупотребление, усмотрение, органы предварительного расследования.

Следственные действия являются важнейшим уголовно-процессуальным институтом, их исследованию в юридической науке уделяется большое внимание. Процессуальному порядку производства следственных действий и их доказательственному значению посвящено множество статей и монографий. Однако ввиду обширности и сложности данного института в уголовном процессе остается множество проблем, связанных с производством следственных действий. В частности, такой проблемой, не получившей достаточного осмысления в уголовно-процессуальной науке, является возможность злоупотреблений со стороны самого властного правоприменителя – следователя или дознавателя.

Отметим, что ст. 5 УПК РФ, содержащая основные понятия, используемые уголовно-процессуальным законом, не дает определения следственных действий, а раскрывает лишь понятие «процессуальных действий» как следственных, судебных или иных действий, предусмотренных УПК РФ. Таким образом, из формулировки п. 32 ст. 5 УПК РФ можно сделать вывод, что следственные действия – это группа процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ и производимых следователем либо дознавателем при проведении предварительного расследования. Между тем в науке сложился и на сегодняшний день является практически общепризнанным иной подход к определению понятия следственных действий, в котором определяющим при-

знается не субъект их производства (именно так разграничиваются следственные или судебные действия) и даже не стадии процесса, в которых эти действия совершаются, а исключительно их познавательная сущность, и тогда под следственными действиями понимаются те процессуальные действия, которые направлены на получение новых или же на проверку уже имеющихся доказательств [1, с. 3; 2, с. 12–14; 3, с. 214; 4, с. 9–11].

Помимо этого, в научной литературе сложилась устоявшаяся позиция о том, что именно следственные действия являются наиболее совершенным механизмом получения доказательственной информации и отражения ее в материалах уголовного дела, основным способом собирания доказательств [5, с. 316], а процедура следственного действия предусматривает достаточные гарантии надежности полученных результатов, а также соблюдения прав его участников [5, с. 145]. К сожалению, несмотря на декларируемые в литературе гарантии надежности получаемых результатов и соблюдения прав участников следственных действий, авторы вынуждены констатировать, что на практике отнюдь не редки факты злоупотреблений со стороны сотрудников органов предварительного расследования при производстве ими тех или иных следственных действий. Здесь необходимо отметить, что такие злоупотребления способны в дальнейшем самым серьезным образом повлиять на исход судебного разбирательства, так

* © Юношев С.В., Убасев В.В., 2017

Юношев Станислав Викторович (svyunoshev@gmail.com), Убасев Виктор Владимирович (ubasev.v@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

как именно результаты следственных действий имеют ключевое значение в доказывании по уголовному делу.

В науке уголовного процесса существуют различные подходы и к толкованию понятия «злоупотребление правом». Не вдаваясь в существо данной дискуссии, среди прочих позиций выделим определение, данное О.Я. Баевым, который рассматривает «злоупотребление правом» как «поведение (действие/бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за пределы его правового статуса, однако нарушающее права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующее разбирательству дела и решению задач правосудия в оптимальные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства» [6, с. 348–349]. Авторам представляется, что данное определение в полной мере отражает сущностные характеристики рассматриваемой проблемы, является точным и универсальным, а также в полной мере применимо к таким субъектам уголовного процесса, как следователи и дознаватели.

Исходя из такого понимания, возможность злоупотреблений со стороны сотрудников органов предварительного расследования кроется в самом факте наличия у них властных полномочий относительно проведения следственных действий. И хотя УПК РФ, в частности в главах 24–27, устанавливает довольно четкие правила проведения каждого из следственных действий, ввиду сложности и многоаспектности рассматриваемого института возможность тотального, всестороннего правового регулирования здесь отсутствует, вследствие чего и возникают возможности для злоупотреблений властными субъектами.

Наиболее распространенным из следственных действий, как известно, является допрос. С.А. Шейфер определяет его как «получение в соответствии с установленной законом процедурой от допрашиваемого лица сведений о существенных обстоятельствах дела путем постановки перед ним задачи на воспроизведение и передачу хранящейся в его памяти информации в устной форме» [2, с. 106]. Допрос является основным процессуальным способом получения показаний, и уголовно-процессуальный закон предусматривает проведение допроса как подозреваемого/обвиняемого, так и свидетеля и потерпевшего.

Первым из возможных злоупотреблений при производстве допроса представляется фактическая замена одного вида допроса другим, а именно — ситуация, когда при проведении предварительного расследования происходит намеренное отдаление момента присвоения лицу статуса подозреваемого или обвиняемого и допрос его в качестве свидетеля по данному уголовному делу. Ввиду такого намеренного искажения процессуального статуса лица оно теряет ряд преимуществ, обусловленных наличием существенных процессуальных гарантий, присущих лицу, привлекаемому к уголовной ответственности, вследствие чего нарушаются его процессуальные

права. Такой вывод вытекает из сравнения и анализа положений ч. 4 ст. 46 УПК РФ, где закрепляются процессуальные права подозреваемого, ч. 4 ст. 47 УПК РФ — права обвиняемого, с одной стороны, и ч. 4 ст. 56 УПК РФ, устанавливающей перечень прав свидетеля в уголовном процессе — с другой.

Так, пунктом 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ установлено право подозреваемого (равно как и обвиняемого — п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении него подозрения (обвинения) либо отказаться от дачи таких объяснений и показаний. Сравнение данных положений со схожей нормой п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ показывает принципиальные различия в праве не давать показания, которым наделены соответственно подозреваемый (обвиняемый) и свидетель. Право не давать показания для свидетеля по уголовному делу ограничивается исключительно кругом лиц, в отношении которых он может отказаться от дачи показаний, — это сам свидетель, его супруг (супруга), а также другие близкие родственники, круг которых определен в п. 4 ст. 5 УПК РФ. Подозреваемый (обвиняемый) же вправе отказаться от дачи любых показаний в любой момент производства по уголовному делу без каких-либо ограничений, объяснений и неблагоприятных последствий выбора такой линии поведения. Кроме того, свидетель, в отличие от подозреваемого (обвиняемого), в соответствии с п. 3 ч. 6 ст. 56 УПК РФ не вправе давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний, в противном случае возникает угроза привлечения его к уголовной ответственности за названные деяния. Подобные запреты на подозреваемого и обвиняемого не распространяются вовсе. Стоит также отметить, что в связи с последующим изменением процессуального статуса лица, допрошенного в качестве свидетеля, а именно — приобретением им статуса подозреваемого (обвиняемого), лицо должно быть допрошено повторно уже в данном, новом для него статусе, и именно эти его показания должны признаваться допустимыми доказательствами по делу. Между тем нет сомнений, что и предшествующие показания этого лица, данные им в качестве свидетеля, в практике также могут быть фактически использованы в доказывании.

Представляется, что искоренение данного злоупотребления исключительно путем внесения изменений в УПК РФ невозможно. Единственным выходом из сложившейся ситуации видится усиление контроля и надзора за органами предварительного расследования в целях недопущения таких злоупотреблений на практике.

Возьмем другое следственное действие — очную ставку. В данном случае огромную роль играет усмотрение сотрудника органа предварительного расследования. В частности, О.Я. Баев отмечает следующее: «Проблема права следователя на производство очных ставок по своему тактическому усмотрению представляется особо значимой при решении следователем вопроса о необходимости их проведения с участием малолетних потерпевших или свидетелей (проведение их в настоящее время, напомним, — право, а не обязанность следо-

вателя, т. е. “чистая” его тактика). И хотя практика показывает, что такие следственные действия с участием малолетних лиц проводятся не так уж редко, считаем, что это противоречит критерию этичности используемых следователем тактических приемов в целом» [7, с. 187]. Такое положение дел, когда следователь исключительно по своему усмотрению решает вопрос о производстве или непроизводстве подавляющего большинства следственных действий, часто лишает сторону защиты процессуальных средств, позволяющих ей добиваться положительного результата в данном деле. Поэтому на практике, в том числе и в подобных ситуациях, происходит необоснованное отклонение всех ходатайств защиты о проведении следственных действий и, как следствие, отсутствие состязательности на стадии предварительного расследования.

Отдельного внимания заслуживают злоупотребления, допускаемые в процессе производства такого следственного действия, как предъявление для опознания. Говоря о сущности данного следственного действия, Я.М. Мазунин отмечает, что «предъявление для опознания – самостоятельное следственное действие, широко распространенное на практике и применяющееся по многим категориям уголовных дел. Сущность предъявления для опознания заключается в отождествлении либо установлении групповой принадлежности ранее воспринимавшегося объекта. В части 1 ст. 193 УПК РФ указывается, что «следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому». Задача рассматриваемого следственного действия заключается в том, чтобы предоставить возможность лицу опознать, узнать среди предъявляемых ему людей или предметов те, которые он наблюдал или знал ранее» [8, с. 34].

Первый из вопросов о возможных злоупотреблениях при предъявлении для опознания звучит так: может ли лицо опознаваться одним и тем же опознающим повторно? Часть 3 ст. 193 УПК РФ устанавливает, что не может повторно проводиться опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам, которым и по которым опознание уже проводилось. Однако в практике весьма нередки случаи фактического проведения повторных опознаний. Например, существует несколько вариантов опознавания лица «заранее». Одним из наиболее частых злоупотреблений здесь является неофициальное «опознание» лица опознающим, происходящее вне процессуальных рамок, предшествующее собственно опознанию. Так, опознающему до проведения самого следственного действия и вне всякой процедуры, предъявляется опознаваемый (без участия статистов), которого опознающий должен будет впоследствии уже официально опознать в ходе следственного действия. Аналогичные ситуации связаны с имеющейся практикой предварительной демонстрации фотографий опознаваемого, что также недопустимо с точки зрения уголовно-процессуального закона и лишает результаты последующего опознания любой доказательственной ценности. На наш взгляд, такое положение дел прямо противоречит ч. 3 ст. 193 УПК РФ, и доказательства, полученные с помо-

щью указанных действий, должны признаваться недопустимыми, чего в некоторых случаях на практике не происходит.

Отдельной проблемой предъявления для опознания является возможность фактической замены его другим следственным действием, а именно – допросом. Так как в соответствии с упомянутой ранее ч. 3 ст. 193 УПК РФ повторное опознание лица одним и тем же опознающим невозможно, сотрудники правоохранительных органов прибегают к фактическому, а не юридическому опознанию лица опознающим, а вследствие невозможности уже проведения такого следственного действия, как предъявление для опознания, ввиду того, что опознающий уже видел опознаваемого, показания «опознающего» фиксируются в протоколе его допроса. Трудно сказать, руководствуясь какими соображениями, сотрудники органов предварительного расследования проводят такие «непроцессуальные следственные действия». Возможно, отчасти это можно объяснить организационными сложностями подготовки и проведения опознания, однако злоупотребления в данном случае могут преследовать и гораздо более значимые с точки зрения доказывания цели и сводиться, по сути, к фальсификации ключевого доказательства по делу. В любом случае такое положение дел является недопустимым, и замена процессуального действия на фактически непроцессуальное производиться не может.

Следующим из рассматриваемых нами следственных действий будет обыск. Части 2 и 3 ст. 182 УПК РФ устанавливают, что основанием для проведения обыска по общему правилу является постановление следователя, а обыск в жилище производится на основании судебного решения. На наш взгляд, именно при производстве данного следственного действия возможно наибольшее количество злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования.

Само проведение обыска часто уже является злоупотреблением. В соответствии с ч. 1 ст. 182 УПК РФ основанием для производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Фактически же на практике обыск в нежилом помещении проводится лишь на основании одного усмотрения следователя. Отметим, что УПК РФ устанавливает достаточные гарантии в части проведения обыска в жилых помещениях, допуская производство данного вида обыска только на основании решения суда.

Помимо того что основанием для производства обыска фактически является лишь усмотрение отдельно взятого следователя, можем ли мы говорить о полном соблюдении процедуры проведения данного следственного действия и недопущении злоупотреблений со стороны указанного властного субъекта? Законодатель пытается легитимировать процедуру обыска и снизить субъективное влияние следователя на его

проведение, вводя институт понятых, участие которых при проведении данного следственного действия в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ обязательно.

Однако, как указывает, например, А.В. Варданын, «институт понятых в том виде, в каком он существует в российском процессуальном законодательстве, не справляется с выполнением возложенной на него удостоверительной функции. На практике нередки случаи, когда участие понятых в следственном действии сводится лишь к подписанию протокола того или иного следственного действия. К тому же неполное и нечеткое разъяснение понятым их прав и обязанностей в совокупности с их юридической неосведомленностью не позволяет им эффективно осуществлять возложенные на них законом задачи. Данное обстоятельство подтверждается материалами изученных уголовных дел, согласно которым ни в одном протоколе обыска не было зафиксировано ни одного заявления или замечания со стороны понятых» [9, с. 212]. Вследствие этого А.В. Варданын приходит к выводу, что «производство обыска (всех его видов, за исключением личного обыска, сопровождающегося обнажением лица, а также личного обыска, проведенного в ходе задержания) требует обязательного применения видеозаписи. В этом случае удостоверение факта производства обыска, его хода и результатов реализуется благодаря использованию указанного средства технической фиксации» [9, с. 214].

Авторы в полной мере разделяют позицию А.В. Варданына. Такая мера, как обязательное применение видеозаписи, при проведении рассматриваемого следственного действия позволила бы снизить субъективное влияние властного субъекта – следователя на проведение обыска. Правомерна и позиция, говорящая о недопущении видеосъемки при личном обыске, сопровождаемом обнажением лица, а также личного обыска в ходе задержания, так как видеосъемка при производстве указанных следственных действий прямо противоречит принципу уважения чести и достоинства личности, закрепленному в ст. 9 УПК РФ.

Отдельно стоит рассмотреть также вопрос о производстве выемки. Уголовно-процессуальный закон и здесь дает весьма широкие полномочия сотрудникам органов предварительного расследования, вследствие чего и возникает широкое поле для злоупотреблений с их стороны. Выемка в соответствии с ч. 2 ст. 183 УПК РФ производится по тем же правилам, что и обыск, то есть правилам, установленным ст. 182 УПК РФ, но за изъятиями, содержащимися в ст. 183 УПК РФ.

Главной возможностью для злоупотреблений при производстве выемки является само принятие решения о проведении данного следственного действия. УПК РФ устанавливает отдельные ограничения лишь в отношении выемки предметов или документов, находящихся в жилище, а также тех предметов или документов, содержание которых составляет государствен-

ную или иную охраняемую федеральным законом тайну; содержащих информацию о вкладах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард. В указанных случаях УПК РФ устанавливает иное основание производства выемки – судебное решение. Такая мера действительно позволяет избежать многих злоупотреблений со стороны сотрудников органов предварительного расследования, уполномоченных по общему правилу на принятие решения о производстве выемки или обыска.

Д.В. Дробинин отмечает, что «на практике нередко возникают ситуации, когда исходная информация, выступающая основанием для производства выемки, не находит своего реального подтверждения. Иными словами, подготовив постановление о производстве выемки, получив судебное разрешение на изъятие предметов и документов, следователь на месте по факту прибытия сталкивается с тем, что обозначенные в постановлении объекты в данной организации (помещении) либо у конкретного лица отсутствуют... На наш взгляд, в подобных случаях, целесообразнее было бы изначально произвести обыск, а не выемку, тем более что его безрезультатность (т. е. отсутствие (необнаружение) подлежащих изъятию предметов и документов) не ставит под сомнение допустимость проведения обыска как следственного действия в отличие от выемки» [10, с. 78]. Представляется, что данная позиция вполне обоснованна. Однако, по нашему мнению, лишнее следственное действие – обыск – нарушает права и законные интересы лиц, в жизнь которых таким путем вторгается сотрудник органа предварительного расследования, уполномоченный на проведение данного следственного действия и принявший такое решение.

Помимо сказанного, анализируя современное состояние уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, можно сделать вывод, что оно не устанавливает, даже косвенным образом, такого понятия, как «разумные сроки», в отношении возвращения изъятого при производстве обыска и выемок имущества его владельцу. Из-за этого на практике часто возникают проблемы, связанные с невозможностью выполнения отдельным лицом или организацией функций осуществления деятельности, которая реализовывалась ими до проведения обыска или выемки и, соответственно, изъятия указанных предметов и осуществление которой стало невозможным или крайне затруднительным в связи с проведенными изъятиями.

Таким образом, при производстве выемки предметов, принадлежащих организации и необходимых для ведения ею своей основной деятельности (а такие предметы, как правило, не являются носителями государственной тайны и находятся в нежилых помещениях, вследствие чего основанием для производства выемки здесь является лишь постановление следователя, а не решение суда), можно говорить о возможной

полной остановке деятельности данной организации. На наш взгляд, такое положение дел является в корне неправильным и должно быть изменено.

В частности, одной из возможных мер по предотвращению необоснованного изъятия предметов и документов у организаций в данном случае может быть установление соответствующих гарантий в УПК РФ. Так, например, предлагаем дополнить ч. 3 ст. 183 УПК РФ положением о том, что предметы и документы, находящиеся в распоряжении таких организаций, в помещениях, принадлежащих которым должны быть произведены обыск или выемка, в том числе предметы и документы, необходимые для осуществления ими своей основной деятельности, могут изыматься только на основании судебного решения.

Здесь же предлагаем закрепить в УПК РФ положение об обязательной видеосъемке при производстве выемки во всех помещениях, но только с согласия лиц, являющихся собственниками данного помещения, и одновременно лиц, находящихся в нем на момент производства выемки.

Такие меры должны повысить уровень процессуальных гарантий лиц при производстве следственных действий, в частности обыска или выемки, и снизить значение усмотрения сотрудников органов предварительного расследования при принятии решений о производстве таких следственных действий.

Итак, по результатам исследования авторы приходят к следующим выводам.

1. Хотя уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации довольно детально регулирует процесс производства следственных действий, на практике остаются значительные возможности для злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования при производстве следственных действий.

2. Основные, наиболее значительные злоупотребления со стороны органов предварительного расследования возможны при производстве таких следственных действий, как допрос, предъявление для опознания, обыск и выемка.

3. Уголовно-процессуальное законодательство в части регулирования производства следственных действий нуждается в пересмотре с точки зрения усиления уже имеющихся процессуальных гарантий.

4. Основные изменения в УПК РФ в данной сфере должны коснуться введения в отношении производства отдельных следственных действий, например, таких как допрос и выемка, обязательной видеосъемки, а также, ввиду наличия слишком широких полномочий сотрудников органов предварительного расследования в части принятия решения о производстве следственных действий и самого их производства, ограничения усмотрения следователя/дознателя и установления в качестве основания производства отдельных следственных действий судебного решения.

Библиографический список

1. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981. 128 с.
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара: Самарский университет, 2004. 228 с.
3. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2014. Серия: Магистр. 476 с.
4. Россинский С.Б. Следственные действия: монография. М.: Норма, 2018. 240 с.
5. Уголовный процесс: учебник / коллектив авторов; под ред. В.А. Лазаревой. М.: ЮСТИЦИЯ, 2015. 656 с. (Бакалавриат и специалитет).
6. Баев О.Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 2 (15). С. 336–349.
7. Баев О.Я. Предупреждение злоупотреблений следователя в праве на производство следственных действий (на примере допроса и очной ставки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2. С. 185–195.
8. Мазунин Я.М. О сущности предъявления для опознания // Инновационное образование и экономика. 2012. Т.1. № 11 (22). С. 34–48.
9. Варданян А.В. Обыск и проблемы участия понятых в его производстве // Общество и право. 2008. № 2. С. 212–214.
10. Дробинин Д.В. К вопросу об основаниях разграничения обыска и выемки как самостоятельных следственных действий // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 75–79.

References

1. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Sistema i protsessual'naia forma [Investigative actions. System and procedural form]. M.: Iurid. lit., 1981, 128 p. [in Russian].
2. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviia. Osnovaniia, protsessual'nyi poriadok i dokazatel'svennoe znachenie [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value]. Samara: «Samarskii universitet», 2004, 228 p. [in Russian].
3. Ugolovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki: uchebnik dlia magistrrov. Pod red. V.A. Lazarevoi, A.A. Tarasova [Criminal Procedure Law. Actual problems of theory and practice: textbook for Masters. V.A. Lazareva, A.A. Tarasov (Eds.)]. M.: Izdatel'stvo Iurait, 2014. Series: Master. 476 p. [in Russian].
4. Rossinsky S.B. Sledstvennye deistviia: monografiia [Investigative actions: monograph]. M.: Norma, 2018, 240 p. [in Russian].
5. Ugolovnyi protsess: uchebnik. Kollektiv avtorov; pod red. V.A. Lazarevoi [Criminal trial: textbook. Team of authors; V.A. Lazareva (Ed.)]. M.: IuSTITsIIa, 2015, 656 p. (Bachelor's programme and specialist programme) [in Russian].
6. Baev O.Ya. «Zloupotreblenie pravom» kak ugolovno-protsessual'naia kategoriia [«Abuse of the law» as a criminal

procedure category]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2013, no. 2(15), pp. 336–349 [in Russian].

7. Baev O.Ya. Preduprezhdenie zloupotreblenii sledovatelya v prave na proizvodstvo sledstvennykh deistvii (na primere doprosa i ochnoi stavki) [Prevention of abuse of an investigator in the right to conduct investigative actions (on the example of interrogation and confrontation)]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: pravo [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2014, no. 2, pp. 185–195 [in Russian].

8. Mazunin Ya.M. O sushchnosti pred»iavleniia dlia opoznaniia [On the essence of presentation for identification]. Innovatsionnoe

obrazovanie i ekonomika [Innovative education and economics], 2012, Vol. 1, no. 11(22), pp. 34–48 [in Russian].

9. Vardanyan A.V. Obysk i problemy uchastiia ponyatykh v ego proizvodstve [Search and problems of participation of witnesses in its production]. Obshchestvo i pravo [Society and Law], 2008, no. 2, pp. 212–214 [in Russian].

10. Drobinin D.V. K voprosu ob osnovaniikh razgranicheniia obyska i vyemki kak samostoiatel'nykh sledstvennykh deistvii [On the issue of the grounds for distinguishing between search and seizure as independent investigative actions]. Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta [Juridical Journal of Samara University], 2017, Vol. 3, no. 2, pp. 75–79 [in Russian].

*S.V. Iunoshev, V.V. Ubasev**

ABOUT POSSIBLE ABUSES OF PRE-INVESTIGATION BODIES IN THE PRODUCTION OF SELECTED INVESTIGATIONS

The article deals with the possibility of abuse by employees of preliminary investigation bodies in the course of investigative actions. The definitions of abuse of procedural powers are given and the applicability of this concept to actions carried out by the employees of the preliminary investigation bodies is confirmed. Some types of abuse are considered in the manufacture of such investigative actions as interrogation, presentation for identification, search and seizure. The authors propose ways to solve the problem of the abuse of powers by the employees of the preliminary investigation bodies in law enforcement practice, mainly by making appropriate changes to the criminal procedure legislation of the Russian Federation, and fixing new procedural safeguards to protect the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings. In particular, the authors propose the introduction in the Code of Criminal Procedure of the rules on compulsory video shooting during the conduct of separate investigative actions, as well as reducing the possibilities for the investigator to make decisions on the conduct of investigative actions, guided solely by their own discretion.

Key words: investigative actions, interrogation, presentation for identification, search, seizure, protection of the rights of participants in the process, abuses, discretion, preliminary investigation bodies.

* *Iunoshev Stanislav Viktorovich* (svyunoshev@gmail.com), *Ubasev Viktor Vladimirovich* (ubasev.v@mail.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.